Дата поступления рукописи в редакцию: 19.08.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.08.2025 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2025-7-181-184

ШИШОВА Наталья Евгеньевна,
к.ю.н., к.т.н., заместитель руководителя
по правовой работе Научно-учебного комплекса
«Энергомашиностроение» МГТУ им. Н.Э. Баумана,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *Интенсивное развитие технологий искусственного интеллекта на протяжении последних десятилетий обусловило их превращение в ключевой фактор глубинной реструктуризации отраслевых парадигм в различных сферах общественной практики. Активное внедрение систем ИИ в области научных исследований, художественного творчества, медицинской диагностики, промышленного производства и иных секторов экономики неизбежно порождает новые формы продуктовой линейки и сервисных моделей. Данная технологическая экспансия, однако, ставит перед правопорядком комплекс нетривиальных вопросов, связанных с юридической квалификацией результатов интеллектуальной деятельности, продуцируемых искусственным интеллектом – будь то объекты авторского права, патентоспособные решения или иные виды разработок. Неопределенность правовой природы подобных результатов существенно затрудняет формирование последовательных подходов к их охране и коммерциализации, детерминируя необходимость выработки новых нормотворческих и доктринальных конструкций.*

Ключевые слова: *Интеллектуальная собственность, патентная охрана, правовой режим, искусственный интеллект, законодательство, правовое регулирование.*

SHISHOVA Natalya Evgenievna,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Technical Sciences,
Deputy Head for Legal Work of the Scientific and Educational Complex
“Energomashinostroenie” MSTU named after N.E. Bauman

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS IN CONNECTION WITH THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The intensive development of artificial intelligence technologies over the past few decades has led to their transformation into a key factor in the profound restructuring of industry paradigms in various areas of social practice. The active implementation of AI systems in scientific research, artistic creation, medical diagnostics, industrial production, and other sectors of the economy inevitably leads to the emergence of new product lines and service models. This technological expansion, however, poses a complex of non-trivial issues for the legal order related to the legal qualification of the results of intellectual activity produced by artificial intelligence, whether they are copyright objects, patentable solutions, or other types of developments. The uncertainty of the legal nature of such results significantly complicates the development of consistent approaches to their protection and commercialization, necessitating the creation of new regulatory and legal frameworks.*

Key words: *Intellectual property, patent protection, legal regime, artificial intelligence, legislation, legal regulation.*

Институт патентной охраны представляет собой фундаментальный механизм обеспечения правовой защиты изобретений и технологических решений, предоставляющий правообладателям исключительные прерогативы на их коммерческую эксплуатацию. Данный правовой

режим охватывает совокупность технических решений, устройств и промышленных процессов. Параллельно возникает проблема ограниченной доступности информации о сущности новейших технологий для реципиентов. Как справедливо отмечают А.А. Васильев и Ю.В.Печатнова, «доступ к релевантной информации реализуется исключительно посредством машинного считывания программного кода, причем интерпретация считанных данных не осуществляется в формате, верифицируемом человеческим сознанием» [2, с. 5]. Указанная дихотомия актуализирует императив не только патентного оформления инноваций, но и обеспечения принципа транспарентности в технологической сфере.

Центральным элементом доктрины интеллектуальной собственности выступает предоставление исключительного права на использование и распространение охраняемого объекта. Данный постулат имплементирован в системе международно-правовых актов, включая Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений 1886 года, установившую унифицированные минимальные стандарты охраны. В контексте современной цифровой парадигмы проблема атрибуции прав на сгенерированный контент приобретает особую сложность. В научной дискуссии высказывается позиция, согласно которой авторско-правовой статус подобных объектов может корреспондировать как разработчику нейросетевого алгоритма, так и создателям исходных произведений, учитывая правовую природу производных объектов интеллектуальной собственности [3]. Следовательно, защита интеллектуальных прав в условиях технологической трансформации требует комплексного учета множества взаимосвязанных факторов. Результаты, производимые искусственным интеллектом, характеризуются уникальными свойствами, детерминирующими их принципиальное отличие от классических объектов интеллектуальной собственности. Ключевое отличие таких результатов заключается в отсутствии непосредственного человеческого авторства, что провоцирует фундаментальные вопросы об их юридической природе. Сущностная автономность ИИ-продукции формирует объективную потребность в ревизии устоявшихся правовых моделей.

Действующее гражданское законодательство России, также устанавливает непреодолимый антропоцентрический барьер: объекты интеллектуальной собственности признаются охраняемыми только при условии их создания человеческим творческим трудом. Это порождает фундаментальный нормативный разрыв в отношении результатов, автономно сгенерированных ИИ без прямого креативного участия человека. Такие объекты, даже обладая внешними признаками произведений (оригинальностью, новизной), формально выводятся за пределы правового поля, формируя зону юридической неопределенности. Отсутствие специализированных критериев охраноспособности для ИИ-продукции, а также механизмов фиксации правообладателя (разработчик алгоритма, оператор, пользователь) создает системный регуляторный вакуум. Фактически, технологически сложные результаты, включая тексты, изображения или изобретения, созданные нейросетями, оказываются в «правовой тени» — они не могут быть защищены традиционными институтами авторского или патентного права, но и не относятся к общественному достоянию, блокируя их коммерческое использование и правовую охрану. Этот кризис квалификации усугубляется отсутствием судебной практики и ведомственных разъяснений, оставляя субъектов цифровой экономики без правовых гарантий.

Действующие системы правового регулирования интеллектуальной собственности, включая ключевые международные инструменты типа Бернской конвенции, базируется на фундаментальном постулате о признании автором исключительно физического лица. Данная антропоцентричная концепция априори исключает саму возможность признания искусственного интеллекта субъектом авторского права на созданные им результаты, порождая существенные пробелы в их правовой охране. Яркой иллюстрацией служит решение Патентного ведомства Великобритании (2020 г.), отказавшего в регистрации изобретения, произведенного системой DABUS, со ссылкой на императивное требование человеческой природы изобретателя. Подобные прецеденты обнажают глубинные концептуальные ограничения существующих норм, не учитывающих специфику объектов, порожденных алгоритмической деятельностью.

Вопрос о наделении искусственного интеллекта элементами правосубъектности провоцирует острую поляризацию научных позиций. Как отмечает А.С. Сикач, «при сохранении доминирующего отрицательного отношения ученых к признанию ИИ субъектом права, идея использования его потенциала для совершенствования законодательного процесса и нормотворчества находит поддержку у значительного большинства исследователей» [5, с. 7]. Эта дихотомия мнений подчеркивает настоятельную потребность в концептуальном пересмотре устоявшихся правовых конструкций и их адаптации к технологической реальности.

Трансформационное воздействие технологий искусственного интеллекта на правовую систему проявляется в фундаментальной деконструкции традиционных регуляторных моделей интеллектуальной собственности. Концепции,

отстаивающие признание ИИ в качестве субъекта или квази-субъекта права, апеллируют к доктрине юридических фикций [8, с. 310]. Однако, как обоснованно отмечает Л.Ю.Василевская, подобные конструкции игнорируют аксиоматический принцип производности правосубъектности исключительно от законодательного признания, подменяя юридический анализ спекулятивными допущениями [9, с. 35]. Представляется, что сама попытка экстраполяции категории субъектности на алгоритмические системы содержит методологическую ошибку: ИИ, будучи продуктом человеческого творчества, принципиально не способен к подлинной автономии воли, а лишь имитирует принятие решений через предустановленные паттерны. Теоретическое положение о способности ИИ к автономному волеизъявлению [6], будучи инкорпорировано в правовое поле, не только актуализирует необходимость переосмысления антропоцентрической парадигмы, но и создает риски искусственной правовой мифологизации, где технологическая сложность ошибочно отождествляется с правовой самодостаточностью.

Экспоненциальное развитие ИИ-технологий обнажает системные нормативные проблемы в регулировании объектов, созданных без креативного участия человека. Отсутствие специализированных правовых режимов в большинстве юрисдикций формирует устойчивую регуляторную неопределенность. Данная проблема интерпретируется в трудах Ю.А.Сахарова, указывающего на имманентную противоречивость применения традиционных механизмов к результатам, произведенных искусственным интеллектом [4, с. 3]. В этом контексте очевидна иллюзорность компромиссных решений: ни признание ИИ субъектом, ни полный отказ в охране не соответствуют ни экономическим реалиям цифровой эпохи, ни интересам инновационного развития.

Дискуссионные модели правосубъектности ИИ, оперируя аналогиями с институтом юридического лица, игнорируют цивилистическую природу искусственного интеллекта как сложного объекта, объединяющего множественные результаты интеллектуальной деятельности [9, с. 37]. Конструкция «электронного лица», предполагающая обособление волевого акта ИИ, вступает в неразрешимое противоречие с легальным определением авторств, закрепленного в ст. 1228 ГК РФ. Как подчеркивает А.М.Рознина, доминирующая доктринальная позиция признает субъектом прав исключительно создателя ИИ-системы [7, с. 151]. Принципиальным представляется следующий вывод: проблема заключается не в наделении ИИ фиктивной правосубъектностью, а в разработке функциональных правовых механизмов, опосредующих его социально-экономическую роль.

Кризис правоприменительных практик в контексте ИИ-творчества детерминирует необходимость разработки дифференцированных регуляторных подходов. Альтернативой спорным концепциям выступает адаптация института смежных прав (по модели прав публикатора), что соответствует предложениям О.С. Болотаевой о закреплении правомочий за организатором создания объекта [8, с. 310]. Предлагаемая концепция «функционального посредничества» позволяет, на наш взгляд, преодолеть тупик субъект-объектной дихотомии: правообладателем признается не ИИ и не абстрактный «создатель алгоритма», а конкретное лицо, осуществившее организационно-экономические инвестиции в генерацию результата. Преодоление антропоцентрического императива требует не механического переноса правосубъектности, а формирования режимов, учитывающих комплексную природу ИИ как объекта прав и социально значимого инструмента.

Эмпирический анализ позволил верифицировать комплекс фундаментальных проблем правовой квалификации объектов интеллектуальной собственности, продуцируемых технологиями искусственного интеллекта. Установлена методологическая ограниченность традиционных регуляторных моделей, изначально сконструированных для охраны результатов антропогенного творчества, при их проекции на объекты, созданные при доминирующем участии ИИ-систем. Возникающая регуляторная неопределенность формирует устойчивые препятствия для эффективной защиты прав разработчиков алгоритмов и субъектов, использующих соответствующие результаты. Ключевой вывод заключается в том, что преодоление кризиса невозможно через искусственную антропоморфизацию ИИ – попытки наделения алгоритмов фиктивной правосубъектностью игнорируют их природу как сложных объектов гражданских прав, объединяющих множественные результаты интеллектуальной деятельности.

Преодоление выявленных дисфункций предполагает концептуальную ревизию действующего законодательства с его адаптацией к специфике ИИ-генерации, включая конструирование специализированных правовых категорий и охранительных режимов, адекватно отражающих природу данных объектов. Принципиальное значение имеет смещение парадигмы регулирования: от поиска абстрактного «субъекта-автора» к разработке функциональных механизмов распределения правомочий, где центральным элементом выступает признание прав за лицом, осуществившим организационно-экономические инвестиции в создание результата (модель функционального посредничества). Параллельно требуется институционализация целевых механиз-

мов защиты, учитывающих особенности их правового режима, при обязательном инкорпорировании этико-социальных императивов в нормативную ткань для обеспечения комплексности регулирования. Адаптация института смежных прав по аналогии со статусом публикатора представляется более жизнеспособной альтернативой, нежели спорные конструкции квазисубъектности.

Перспективы технологической эволюции создают необходимость проактивного развития доктринальных основ и нормотворчества в данной сфере. Дальнейшие научные изыскания должны концентрироваться на разработке системных решений, обеспечивающих устранение правовой неопределенности и формирование предсказуемых условий для инноваций. Особую актуальность приобретает формирование режимов, преодолевающих антропоцентрический императив не через механическое заимствование категорий субъектности, а через отражение социально-экономической функции ИИ как инструмента генерации социально значимых результатов.

Список литературы:

[1] Альтшулер-Феррейра О.Л. Искусственный интеллект и проблемы авторского права URL: https://min.urgau.ru/images/2024/3-2024/31-3-2024.pdf

[2] Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы // Российско-Азиатский правовой журнал. — 2020. — № 2. — С. 14–15. [Электронный ресурс]. — URL: https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.3.

[3] Лукашова А.В. Авторское право и произведения, сгенерированные нейросетью // Вопросы российской юстиции. 2023. №28. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-i-proizvedeniya-sgenerirovannye-neyrosetyu

[4] Сахаров Ю.А. Правовой режим объектов, созданных юнитами искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. — 2024. — Том 14. — № 9А. — С. 269-275.

[5] Сикач А.С. Правовое регулирование искусственного интеллекта в конституционном праве // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. — 2023. — № 6(81). — [Электронный ресурс]. — URL: Alley-science.ru.

[6] Усольцева Н.А., Чарковская Н.И. Вопросы гражданско-правовой ответственности искусственного интеллекта URL: https://elib.utmn.ru/jspui/handle/ru-tsu/36941

[7] Рознина А.М. Авторские права на объекты, созданные искусственным интеллектом // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2020. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskie-prava-na-obekty-sozdannye-iskusstvennym-intellektom

[8] Болотаева О.С. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2023. №10 (226). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravo-intellektualnoy-sobstvennosti

[9] Василевская Л.Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. №5 (105). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-problemy-grazhdansko-pravovoy-kvalifikatsii

Spisok literatury:

[1] Al`tshuler-Ferrejra O.L. Iskusstvenny`j intellekt i problemy` avtorskogo prava URL: https://min.urgau.ru/images/2024/3-2024/31-3-2024.pdf

[2] Vasil`ev A.A., Pechatnova Yu.V. Iskusstvenny`j intellekt i pravo: problemy`, perspektivy` // Rossijsko-Aziatskij pravovoj zhurnal. — 2020. — № 2. — S. 14–15. [E`lektronny`j resurs]. — URL: https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.3.

[3] Lukashova A.V. Avtorskoe pravo i proizvedeniya, sgenerirovanny`e nejroset`yu // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2023. №28. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-i-proizvedeniya-sgenerirovannye-neyrosetyu

[4] Saxarov Yu.A. Pravovoj rezhim ob``ektov, sozdanny`x yunitami iskusstvennogo intellekta // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. — 2024. — Tom 14. — № 9A. — S. 269-275.

[5] Sikach A.S. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta v konstitucionnom prave // Nauchno-prakticheskij e`lektronny`j zhurnal Alleya Nauki. — 2023. — № 6(81). — [E`lektronny`j resurs]. — URL: Alley-science.ru.

[6] Usol`ceva N.A., Charkovskaya N.I. Voprosy` grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti iskusstvennogo intellekta URL: https://elib.utmn.ru/jspui/handle/ru-tsu/36941

[7] Roznina A.M. Avtorskie prava na ob``ekty`, sozdanny`e iskusstvenny`m intellektom // Innovacionny`e aspekty` razvitiya nauki i texniki. 2020. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskie-prava-na-obekty-sozdannye-iskusstvennym-intellektom

[8] Bolotaeva O.S. Iskusstvenny`j intellekt i pravo intellektual`noj sobstvennosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. №10 (226). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravo-intellektualnoy-sobstvennosti

[9] Vasilevskaya L.Yu. Iskusstvenny`j intellekt: problemy` grazhdansko-pravovoj kvalifikacii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2023. №5 (105). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-problemy-grazhdansko-pravovoy-kvalifikatsii